



РОМАН
ТРИ В
ОДНОМ

КНИГА 1

МУЗЫКАНТ

АРТУР ЖЕЙНОВ
СЕРГЕЙ ЖУРАВЛЁВ

Оглавление

[Обложка](#)

[Выходные данные](#)

[Пролог](#)

[Когда нет времени исправить ошибку](#)

[Тайные поклонники похожи на мигающие в ночном небе самолеты.](#)

[Ученые придумывают сито, в котором можно будет воду носить.](#)

[Даже тот, кто быстро бегаёт, не догонит того, кто медленно убежал](#)

[Тому, который никому не доверял, труднее объяснить причины своих неудач](#)

[Если бы бог хотел, чтобы люди летали](#)

[Безнадёжно застрявшему в трясине](#)

[Чтобы советы помогли, спрашивай у мудреца](#)

[Даже неприятность насыщает серую жизнь цветом](#)

[Плохой друг оставит тебя в беде](#)

[Трусамы называют тех, кто испугался](#)

[Все когда-то делается в первый раз](#)

[Мне снился вещий сон](#)

[Чтобы сделать людей и мир лучше](#)

[Человек покорит самые высокие горы](#)

[Я искал мудрого Че и встретил говорящего верблюда.](#)

[В красивой обертке можно подать все что угодно.](#)

[Бог сделал поганку ядовитой](#)

[Тот, кто медленно бегаёт, тоже может спастись](#)

[В детстве я кутался в холодные пеленки](#)

Иные женщины так сильно мечтают о верном муже
Победив, много узнаешь о себе и о тех, кто рядом
Чаще, чтобы понять, что чувствуешь к человеку.
Мужчина с сильной волей
Если жена спрашивает, не хочешь ли ты пить, – принеси ей воды
Отношения женщины и мужчины ранимы, зыбки
Тот кто залез в треугольник
Тот, кто пресмыкается перед начальником
Скомпрометировав неопытную девушку
От некоторых выгодных сделок выгоднее отказаться
Чтобы знать, что человек думает о тебе
Я разделил яблоки на хорошие и плохие
Один немой философ тоже как-то написал мне
Для того, кто не любит дождь
Конец первой книги
Краткое содержание второй книги
ТЕМ, КТО ЧИТАЕТ ЭТИ СТРОКИ
Буду очень рад вашей помощи

МУЗЫКАНТ

© 2021 Артур / правообладатель
Все права сохранены
Автор: Артур
sergiyazhuravlov@gmail.com
ISBN 9783985228799

**РОМАН
ТРИ В ОДНОМ
КНИГА 1
МУЗЫКАНТ**

**ARTHUR JEYNOV
SERGEI ZHURAVLE
SUNRAY 202**

Художник Игорь Швидки

Пролог

Двое студентов, Саня и Рита, принимают участие в эксперименте по перемещению сознаний. Ход эксперимента грубо нарушен неким Кастро, скрывающимся от преследователей. Происходит сбой программы и три сознания оказываются заключенными в одном теле. Героев ждут невероятные приключения, неожиданные повороты судьбы, а также переосмысление мира и самих себя. Находясь далеко от дома, Саня

завершает миссию, начатую Кастро. Но тут случается гроза... Для поклонников остросюжетной литературы.

Все персонажи романа вымышлены, совпадение или сходство их имен с именами реальных людей случайны.

Хуши сказал: «Когда нет времени исправить ошибку - найди ей достойное оправдание»

Проснувшись, Саня отметил, что дождь закончился, утро было солнечным.

«И ветра нет... - подумал он. - И листьев не слышно. А вчера, особенно под вечер, как же они шумели! Наверное, ветки что-то не поделили - спорили между собой. А может, деревья так проявляют чувства? Вот - любовь, а тот резкий порыв похож на ненависть. И они умеют переживать...»

Эти мысли не давали ему спать до поздней ночи. А потом заморосил дождь. Капли ложились на подоконник почти бесшумно, и были даже не капли, а воспоминания о них. Заснул он под шепот дождя, и ему приснился удивительный сон...

Огромные водяные шары крутятся в космосе, сталкиваясь, разбиваются, мчатся вниз, испаряются, но от них еще остается тень. Крохотными серыми точками она рассыпается по Земле.

Саня сладко потянулся, улыбаясь во весь рот, и вскочил с постели. Настроение было, как всегда по утрам, хорошее. В отдохнувшей голове копошатся мысли, душ освежает тело, бутерброд вкусный, улица бурлит жизнью, соседка Элла улыбнулась, а над головой солнце - большое и желтое.

«Когда-нибудь я скажу Элле, что она красивая, - мечтал он, - и мы будем целоваться, а потом я спасу ей жизнь и погибну. Хотя нет, обойдется. Но разлука нужна обязательно. А как еще проверить чувства?»

Может, это нечестно, думать об одной и тут же представлять себя с другой, - продолжал он размышлять. - Может быть, но ведь та, другая, никогда не посмотрит в мою сторону, не узнает меня. Она, как мечта, иллюзорна и недостижима. Не допрыгнуть, не дотянуться до звезды. А Элла совсем не такая. Элла рядом, она земная, реальная. С ней тоже страшно, но все-таки не так».

Милая, симпатичная соседка улыбается Сане с пятого класса. Он отвечает ей тем же и кивает.

«Когда-нибудь добавлю к этому «привет! – или «как дела?», и тогда начнется, только держись! В таких делах первый шаг очень важен. Надо настроиться. А на это нужно время».

Саньке до института рукой подать, минут пять бегом. Если на площадке курят, значит, успел, значит, еще не началось.

«Ну да, сегодня не опоздал, – обрадовался Саня. – Кто тут дымит? Э нет, с этими лучше не встречаться».

Ступеньки необычные – серо-зеленые, перламутровые, и из-за перепадов цвета не видно, где начинается тень, но если присмотреться...

Запнулся сам или подножку кто-то подставил, Саня не заметил. Штанина испачкалась о ребро ступени. Несколько голосов загоготали: он понял, что смеются над ним и, смущенно улыбаясь, поспешил наверх.

«Толкнули. Ничего страшного, что меня толкнули, – рассуждал он. – Всех толкают, но это не значит, что нужно бросаться в драку. Если вот нос сломают, например, очень ведь больно. Но... но было что-то еще, что-то неприятное... что? Я, кажется, извинился. Да, встал, поправил штанину и извинился. Перед Андреем – точно, он ближе всех стоял. В глаза ему так заискивающе улыбнулся, потом и головой так вниз... да вниз – не серчай, мол. Он мне подножку, а я извиняться. Может, я и не извинялся вовсе, а как бы иронизировал?.. Да-а – не герой. Но и не трус. Трус повел бы себя уж совсем как-то некрасиво, а я еще ничего. Ничего-ничего, придет время...» Через секунду эпизод забылся. Саня заставил себя забыть.

«В такой день надо думать о приятном. Сегодня Игоревич читает, гуру психологии. У него всегда битком. А тут еще и сенсация».

Отряхиваясь, шагнул в дверь. В аудитории народу тьма.

«Вон Витька-бабник с Анжелкой треплется, – заметил Саня. – Антон один у окна скучает. Вместе сядем. С ним неинтересно, но так повелось. Он молчаливый, я стеснительный». – Ему хотелось верить, что на фоне Антона его стеснительность как-то выигрывает.

«А вон Серега. Он мне деньги должен, а напоминать неудобно. А это... А это... Рита... – у молодого человека защемило в груди. – Как это я тебя сразу не увидел? – удивился Саня. – Неужели посмотрела? Ну да, на меня посмотрела. Мельком. А может, нет?.. А может, догадывается? Может, знает? Женщины чувствуют, когда нравятся нам. Волосы покрасила. А ей идет. Красивая Рита!.. Когда-нибудь я с тобой заговорю, и ты всенепременно влюбишься. И мы будем целоваться в лодке под плакучей ивой. А когда я погибну, станешь плакать, и никогда, никогда больше не встретишь тебе такого честного и преданного... – Саша уловил запах ее

духов, вытянул шею, вдохнул воздух. – Потрясающий запах! Вот это аромат! Рита! Как тебе это удается?! И знаешь, если б не цвет твоих глаз, было бы совсем не то. Вообще не то. А вместе – это такой букет... Ромашковое поле, девушки вплетают цветы в косички. Клубятся облака, будет дождь. Порыв ветра доносит девичий смех... Я чувствую именно этот запах».

– Александр! – громкий окрик прервал его фантазии, и чей-то кулак ткнулся в плечо.

Саня вскрикнул от боли и сжался. Егор – «Глыба», огромный, тучный однокурсник, кандидат на вылет, схватил Саньку за плечи и, нависая над ним, спросил:

– Ну что, Искандер, сделал?

– Завтра... завтра... сказал же.

– Не пойму, злой ты или тупой. Ты не участвуешь в моей судьбе, – гримасничая и неприятно дыша в лицо, клокотал тот. – Ты как какой-то китаец, что сейчас ест рис в шанхайском метро и делает вид, что меня нет, понимаешь? Так нельзя. Завтра меня выгонят, и знаешь, что со мной сделает папа? Не-а, не знаешь... А что я с тобой потом сделаю, знаешь?..

– Не выгонят. Отпусти. Сказал же – сделаю.

Глыба, выполнив захват, подтянул Саньку к себе за шею.

– Такой симпатяшка. Почему ты не девчонка, а?

Я бы с тобой дружил... Любишь конфетки?

– Отвали.

– Смотри, не будет реферата... не посмотрю, что ты мальчик...

– Все сказал?

Егор сдавил шею сильнее:

– Не хамя.

– Ну, извини... Завтра будет тебе реферат... Ну, пу-сти, дышать нечем.

– Поцелуемся?

– Очень смешно. Ну, все, я понял. Отстань.

– Держи слово, Александр! Помни, ты носишь имя великого полководца! – выкрикнул Глыба, разжал локоть и хлопнул покрасневшего от нехватки воздуха парня по заднице. – Ах-х, хоррош!!!

«Они – ладно, – думал Саня, растворяясь в очереди, медленно заполнявшей зал. – Плевать на всех, но Рита...

Она ведь видела... Стыдно... Как стыдно... Почему? Почему со мной это происходит? Не учатся, не читают, не думают, не знают... Откуда? Откуда у них эта власть надо мной?..»



У самой двери он почувствовал, как кто-то пытается забраться в его карман. Инстинктивно схватил чью-то дрожащую руку.

- Дяденька, дяденька, только не бейте! - оглушительно влетело в ухо. - Больше никогда так не буду! Ааа!!!

Саня растерялся и еще сильнее сжал руку. Потом подумал, что неправ, и хорошо бы разойтись как-то по-хорошему и, может, даже извиниться. Ну, в крайнем случае, сказать: «Со всеми бывает», чтобы все правильно, чтоб не обиделся никто. И он разжал кисть. Но чужая рука не струсила, не исчезла, а нахально вцепилась в его брючный ремень.

- Ну что ж это такое... - промолвил на выдохе расстроенный Санька и поднял глаза. Только теперь он увидел перед собой перекошенную от смеха физиономию Игоря Ширяева.

- Ну, ты нормальный?! - гневно воскликнул Саня и чуть тише добавил:
- А если б я тебя ударил?

- О да! - смеясь и не отпуская ремня, ответил тот. - Меня спасло чудо! Шурик, пойдем, ты мне нужен. Точнее, твои безжалостные хищнические инстинкты.

- Так, начнется сейчас... - попытался было возразить Саня, зная, что все равно поддастся. Игорь, пожалуй, единственный, кого он мог назвать другом. Станный союз... Игорь - сын известного профессора, балагур, здоровяк, умница. А Саня - сирота, мечтатель, трус, себе на уме, - словом, «ботаник». Никто не понимал, что между ними общего. Какие интересы их сближают? О чем могут разговаривать такие разные люди? И они не знали, но могли болтать часами и целые дни напролет.

- Если поторопимся, успеем. Да и ничего интересного сейчас не будет. А если не найдем, то вообще... - Кого найдем? - попробовал внести ясность Саня.

- Белого кролика.

- А...

- Ну, правда, правда - отец просил найти. Кролик из лаборатории. Ну, из тех самых. Утром целый зверинец привезли. Обезьяна, которая думает, что она черепаха, кошка считает себя мышкой, а мышь у нас собака. Представляешь, мышь бегаёт за кошкой - смешно?.. А кроль, зараза, удрал. Где-то здесь в парке мышей ловит.

- Подожди, это интересно, - Саня остановился, задумался. - А кошка убегает? Не должна. Ну, смотри: мышь думает, что она собака, и бегаёт за кошкой, которая считает себя мышью, так?

- Ну да.

- Странно. Она не должна убегать, - рассуждал он вслух. - Кошка думает, что она мышь. Хорошо. За ней гонится другая мышь, она же ее видит, - почему она убегает?

- Убегает, убегает, не сомневайся. Чувствует внутренний потенциал, наверное. Отец показывал записи. Что там у них на опытах творилось - уржаться.

В парке, среди множества кустов и высокой травы не так-то просто найти кролика, пусть даже белого.

- Кролик, который кошка, мне кажется, не так смешно! - кричал Саня.

- Кс-кс-кс... – слышалось за кустами. – Почему? Я за ним наблюдал. Очень прикольный! Кс-кс...

- Кс-кс... Не, тут его нет. Пошли к тем елям! Может, на дерево залез...

- Надо было из него бегемота делать. Тут пруд один, будет радостным. Лапками, лапками как – смотри... – Я тебя прошу... Ищи хищника.

- А какая из нее получится бабочка!

- Там люди умного человека слушают, а я тут с тобой. Откуда у гусеницы лапки? Из таких мерзостей бабочки не рождаются. Ну да ладно. Сам же меня торопил, а теперь... Вон он! Вон! Вон! Есть, зараза! Точно, на самой макушке! Видишь?! Только хрен мы туда залезем... – Игорь возбужденно стал подпрыгивать, и если б не земное притяжение...

- Напрягись, еще три метра и ты наверху.

- Нога болит, не получается, – признался Игорь расстроено. – С земли не достать – дирижабль нужен.

Теперь и Саня увидел кролика. Жирный красноглазый зверек забрался высоко и обхватил передними лапами ствол. Угрожающе фыркая, он изогнул спину и поднял шерсть на загривке.

- Сметаной подманить, что ли?.. Эй ты! Ты не кошка, ты канарейка! Лети, не бойся!

- Кс-кс-кс... Не хочет, тупица. Вот вам – наука! Из благороднейшего животного идиота сделали.

Саня снял туфли, сел на траву, подмяв под себя пятки:

- Смотри, что получается. Допустим, постарел я, значит, вдруг. Ну, или заболел там. А тут как раз, как ты говоришь, приговаривают какого-то негодяя к смертной казни. Сидит он в камере, ждет приговора, смеется над моими сединами и таит злобу на все наше уважаемое общество. А мы берем и запикиваем мое сознание в него. Сознание этого негодяя, понятно, отправляем в заслуженное небытие. Возмездие свершилось – общество счастливо. А я опять молод, красив, ловлю еще тысячу кроликов, приношу пользу обществу. Только, чур, я первый в очереди – я придумал.

- Может быть, может быть... Да, Шурик, так оно скорее всего и будет. Но как же его все-таки достать?

Надо лестницу найти...

- Или... богатый и, допустим, больной, всегда может купить тело бедного. Как тебе такие перспективы? – продолжал философствовать Саня, не слушая товарища.

- Это, друг, ужасные перспективы. Была трансплантация органов, а теперь людьми торговать начнут.

- Ну, это да... Есть о чем задуматься.

- Есть, - согласился Игорь, озабоченно глядя наверх. - Отец говорит, заглохнуть все может. Как с клонированием. И может быть, это правильно. Как открытие - интересно. А вот с точки зрения морали... Богатенькие будут изнашивать тела и менять их, как рубашки. Пользоваться и выбрасывать. Потаскал - и на помойку. Наркотики, пьянство, секс - никаких тормозов, инстинкта самосохранения, мир-аттракцион. Навсегда. Поизносился за год, новеньким обзавелся - вот кому счастье.

- Как жалко, - Саня задумался, опустив голову. - Что-то ты меня расстроил.

- Не готовы мы еще к таким открытиям, вот что думаю. Дикари мы еще. Кстати, о дикарях: ты чего этому «папуасу» обещал? - Игорь отвлекся от кролика и подозрительно посмотрел на друга.

- Глыбе, толстому?

- Он не толстый - он жирный. Шура, если перед каждой скотиной будешь прогибаться, то... Вот чего ты его не послал? Ты ж говорил: «С понедельника я новый человек», и что? Делаешь за него реферат?

- Он застал меня врасплох.

- В очередной раз. Вернее, как всегда. Блин, Алекс, хватит искать оправдание своей трусости...

Саня сделал сердитое лицо, уперся руками в землю, поднялся и, стоя на одной ноге, стал натягивать туфель, приговаривая:

- Ты боец, ну, конечно. Ты так решил. А я так - флегма безвольная. Только ошибочка, дружок. Ты живешь по правилам, которые принял, и решил, что они твои. Думаешь, что их тебе не навязывали. Ага! По-твоему, ты живешь, как тебе удобно? Ага! Только хрен! Помнишь, как в детстве тебе мама запретила в походы ходить? А ты стал рассказывать, что это пустая трата времени. Ты читал книги, которые читать не хотел, ездил на олимпиады, которые терпеть не мог.

Ты подводником мечтал стать, а кем будешь? Это ты живешь по указке!.. А я... А я просто добрый. Это не трусость, это доброта. И к тому же, вот если честно... Ты не даешь себя в обиду, - хорошо. А сколько раз тебе ломали нос? Два раза. Помнишь операции? Нос был синий, опухший. Три месяца ты мучился... И кому и что этим доказал? Ты не прощаешь обиды. Ну, это твое дело. Я не вмешиваюсь. А я прощаю, зато вот, - Саня задрал лицо вверх и указал пальцем на нос. - Его не ломали ни разу. Целенький, здоровенький, воздух тянет - пылесосы завидуют!

Игорь поднялся, оскалился и, похлопывая друга по плечу, тихо промолвил:

- Поздравляю. Молодчина. Знаешь, я сам его достану. Дуй на лекцию... И это... - запнулся, покусал нижнюю губу, подбирая слова. - Я думал, ты можешь измениться. А ты и не хочешь даже. Мне не нужен такой друг. Я всегда всем говорил: «Он себя еще покажет! - Но я ошибся, - Игорь задумался и добавил с обидой в голосе: - Значит, по-твоему, я мнения не имею, поддакиваю всем. По указке живу...

- Ну, я этого не говорил, - как бы оправдываясь, сказал Саня.

- Нет, именно это ты и сказал.

- Обиделся, что ли?

- Нет. Просто не люблю лицемеров.

- О, я не только трус, но и лицемер!

- Да, лицемер.

- Все, пока! - Саня резко развернулся и быстрыми шагами направился в сторону института. - Шестери усердней! Береги нос! - крикнул вслед Игорь.

Хуши сказал: «Тайные поклонники похожи на мигающие в ночном небе самолеты. Все время думаешь, а зачем они тебе нужны?»

Обычно Рита приходила на лекции загодя. Крайние ряды возле окна - ее любимые. Она всегда занимала два соседних стула для подружек. И пока зал медленно наполнялся, пока никто не просил советов, не отвлекал расспросами и жалобами, погружалась в чтение.

Каждое утро изо дня в день, вот уже полтора года, в почтовом ящике ее ждал конверт. Открывала она его не сразу, растягивала удовольствие, думая, кем он назовет ее сегодня? О чем расскажет? Наслаждалась предвкушением, пока отец или Вадим, претендент на роль жениха, подвозили ее к институту.

Как приятно получать доброе, волнующее, долгожданное письмо. Ни электронную почту, ни смс, а именно вот такое, написанное торопливым, неровным почерком. Оно приходит откуда-то издалека, из прошлых романтических времен. Обратный адрес и имя отправителя вымышлены... Зачитанные измятые страницы незаметно оккупировали два выдвижных ящика ее письменного стола.

Как-то по глупости она рассказала о тайном воздыхателе Вадиму, и тот устроил сцену. Наверное, ей хотелось, чтобы молодой человек немного поревновал. Когда ей изрядно надоела его ревность, она велела ему

заткнуться и быть мужчиной. И еще сказала что-то обидное, из-за чего он побагровел, но все-таки замолчал и больше к разговору об этом не возвращался. Рита знала, что умнее его, и он догадывался, поэтому никогда не спорил и покорно капитулировал перед каждым капризом.

Пока студенты рассаживались, она, читая письмо, украдкой поглядывала по сторонам. Это тоже стало своего рода привычкой. Стоило поймать чей-то взгляд, как тут же примеряла к этому человеку только что прочитанное. «Может, он? А почему бы и нет? Впрочем, не думаю, вряд ли».

Письма были очень необычны и трогательны. Это были откровения. Их писал добрый, наблюдательный человек. Ах, как он умел восторгаться мелочами, тем, как колышутся листья кустарника, как ветер вдруг проносится по открытой воде, как «шумит» над головой молодая луна... Но самое главное, конечно, – он восхищался ею, Ритой. Казалось, он всегда рядом, ловит каждое движение, знает ее мысли и настроения. Его беспокоит, когда она расстроена. И тогда письма полны тревоги за ее здоровье, не обидел ли кто? Ценят ли ее? Любят? Каждой строчкой сопереживает, будто и сам испытывает физические муки от ее неудач. Но стоит девушке засмеяться, просто улыбнуться, и завтра же тайный воздыхатель расскажет, как он счастлив. Как радовался дождю, как весь вечер беспричинно улыбался прохожим, как ему захотелось сделать счастливыми всех, и он подобрал на улице котенка, а потом зашел на сайт начинающих поэтов и написал миллион теплых отзывов, звонил друзьям, говорил, как по ним скучает, как любит их.

Однако никто из ее знакомых не умел и не стал бы писать таких писем. Как узнать, кто он? Как увидеть его? А если вдруг исчезнет... Ведь она так привыкла. Ей давно уже хотелось говорить с ним, писать ответы.

Пусть он купит себе что-нибудь фиолетовое или хотя бы желтое. В нашем городе слишком много синих машин. Если хочет обладать самой оригинальной из женщин, пусть начнет с автомобиля. Впрочем, может, теперь и не стоит?

Никто не подвез. Ты пришла сама. Мне нравится, как ты ходишь. Эти ноги должны чаще ходить. У них это потрясающе получается. Но туфли мне не нравятся. Они делают тебе больно. Ты ступаешь, и в груди у меня все сжимается. А когда ты подвернула каблук, у меня даже в глазах потемнело. Показалось – небо извалили в грязи. То вдруг послышалось, что кто-то играет на расстроенном пианино, – и запахло холодом, и упала картина с треноги, и растеклись масляные краски по полотну. Эту картину,

я не придумал ее, веришь, вдруг увидел в коридоре на третьем этаже. Вся в пыли, давно там висит. Но теперь знаю, почему она такая. Я стал верить, – то, что происходит с нами сейчас, отражается на нашем прошлом. Вчера ты грустила, значит, когда-то давно, может, миллион лет назад, гремел гром, лил дождь, с гор несся поток, и люди тонули в своих пещерах. Не грусти, пожалей их. Пусть будет солнце.

Что-то произошло. Убедился в этом еще раз, когда взглянул на твои руки. Когда ты волнуешься, начинаешь накручивать на указательный палец левой руки свои волосы или вдруг легонько постукиваешь кулачками по коленке.

Думаю, вы не просто поругались, вы расстались. Папа, конечно, был против. Его-то Вадим вполне устраивал. Но ты уже приняла решение. Отец, как и я, слишком любит тебя. Он проиграл хотя бы потому, что не отвез тебя на занятия. Потом звонил, спрашивал, как ты добралась. Ты отчитывала его, сердилась. Твои губы сжимались. Я прислушивался. Ты



бываешь жестокой, говорили мне. Я не верил. И сейчас не верю. Не знаю еще, что это было. Но они не правы. Ты очень волновалась потом. И от этого я любил тебя еще больше. Я переживал вместе с тобой. Чтобы тебе стало чуть-чуть легче.

Ты все правильно сделала. Ты много думала, я знаю. Он тебе не пара. Он богат, у ваших родителей общее дело, и это все – больше ничего общего. Ты никогда не поговоришь с ним о поэзии, он не поделится сокровенным. Он не сможет рассказать тебе о тебе самой. Не тот человек. Только не подумай, что я претендую на его место. Ни в коем случае, нет! Свое место

я знаю. Тот будет совсем другой. Очень красивый, умный, сильный человек. Он будет тебе опорой. Таким ты сможешь гордиться...

Ты ангел. Простой смертный сомнет твои крылья. Но если уж кто-то осмелится встать рядом, взять тебя за руку, то это должен быть самый незаурядный, выдающийся из людей. Личность».

«Они такие похожие и в то же время разные, эти письма, – думала девушка. – Они и радуют и расстраивают. Какой наивный, он совсем не знает людей. И меня не знает. Все эти его восторги... Да, интересно читать об этом, но ведь я этих восторгов не разделяю. Даже думать не могу, как он. Я грубая, циничная, серая... Как все. Я такая, как все. Ничего оригинального. Манипулирую людьми, беру от жизни, что хочу. Никогда никого не прощала, ни у кого не просила прощения. Красота и ум позволяли мне думать, что я выше, лучше остальных, и поэтому имею право претендовать на что-то большее, требовать особого внимания. Он пишет совсем о другой. О какой-то тонкой натуре, чистой душе, и мне стыдно, стыдно, что он ошибся, что это вовсе не я. Кто же он?» – гадала Рита.

«Вчера взял в библиотеке стихи Цветаевой. Ты читала?» – как-то написал он.

И девушка отправилась в библиотеку, что напротив института, узнать, кто брал книгу, но там уже месяц, как шел ремонт.

«Я сидел позади тебя», как-то мелькнуло в письме. И она выясняла у подруг и сама пыталась вспомнить, кто и где был в тот день, но и тут ничего не вышло.

«...и мой несчастный друг поломал руку...» – была еще одна подсказка. Она подключила всех. Подруги выясняли у друзей, те у знакомых.

Найти его, узнать, кто он, стало смыслом жизни. Но то лето было урожайным на травмы – двое сломали ногу, у семерых сотрясение мозга, одного задавило машиной, там вообще живого места не осталось, но этот не в счет. Ей рассказывали про вывихи, ушибы и царапины, и это, увы, не грело. Только переломы рук, как ни странно, радовали девушку.

Снова и снова Рита вчитывалась в строки – где-то здесь, прямо сейчас она найдет подсказку. Он обязательно выдаст себя.

Круг медленно, но сужался. «Подозреваемых» уже можно было сосчитать по пальцам одной руки. Она украдкой рассматривала каждого, узнавала о них у знакомых, разговаривала с их друзьями. Сомнений почти не осталось. Четче остальных вырисовывался образ главного кандидата.

- Встретиться с ним, - попросила как-то Рита подругу. - Расскажи мне все об этом Саше... Или даже, знаешь, есть у меня идея...

Подруг у Риты много, но Анжела и Таисия - самые близкие. Было ошибкой просить об одолжении Таю, но идти в открытую девушка боялась - он сразу поймет, что она знает.

Санин друг, Игорь, удивился, когда ни с того ни с сего к нему подкатила Рита. Сначала даже подумал, что она интересуется им. Но девушка с таким интересом расспрашивала о последних исследованиях его отца, переживала - не запретят ли, как писали в Интернете, что молодой человек, уверовав в ее искренность, с азартом принялся рассказывать о последних экспериментах.

- А вашим друзьям это тоже интересно? - спрашивала она.

- Конечно! - отвечал Игорь. - Миша даже пошел к отцу в лаборанты.

- А этот... Саша, кажется?

- И Шурка, конечно! Даже ругались с ним... Так ли уж нужна наука? Все ли знания полезны? Тут спорить можно бесконечно. Ведь что получается? Представь, Рита... - и он вздох начал развивать тему.

- А он забавный, этот твой Александр, - сказала Тая перед самой лекцией. - Симпатяшка. Худенький только, надо подкормить. Был у меня один такой. Такие фортели выкидывал, и не скажешь, что слабенький...

Рита уже жалела, что попросила подругу. В планах было познакомиться с Сашей через нее как бы случайно. Для этой роли Таисия подходила почти идеально: общительная, веселая, сексапильная. Правда, именно этот последний момент немного смущал.

Говорю ему, здравствуйте, Александр! - рассказывала Тая, для эффекта бросая на подругу томные взгляды. - Слышала, вы так много читаете. Как в жизни моей одинокой сейчас не хватает хорошей, правильной книги. Будьте мне другом, посоветуйте что-нибудь эдакое, про любовь.

- А он?

- Прочтите, говорит, Стендаля «Красное и черное». Это очень интересная история. Но она, может быть, немного мужская. И знаешь, говорит, а лицо у него такое доброе-доброе, как у ангелочка. Задумался, глазки поднял. Я аж затряслась от желания. Ну, думаю, мальчик, сегодня ты попробуешь настоящую женщину. А он птенчиком глядит, лапочка. Вам, говорит, наверное, интересней, чтобы главная героиня была женщина... Тогда, может, «Поющие в терновнике»... Ух! Прелесть моя! Говорю ему: «Александр, вот вы сейчас сказали «Поющие в терновнике», и у вас так

заблестели губы... они у вас такие чувствительные, мягкие. Очень сексуальные губы, Александр. Я обязательно прочитаю вашу книгу. Я хочу ее прямо сейчас».

- Ну ладно тебе, - разозлилась Рита. - О чем договорились?



Подружка моя любимая, напрасно ты так сердишься. Думаешь, придумываю? А знаешь, как он смотрел на меня? Его взгляд ползал по моей истосковавшейся по мужской ласке груди, а незащищенные мои оголенные ножки дрожали от голодных... О! Придумала! Его взгляд

истекал слюной. Это самое точное определение. Если бы никого рядом не было...

- Ну, хватит. Вы ж встречаетесь сегодня?

- Ой, какая ты бываешь зануда...- устало проговорила Тая. - В парке возле твоего дома, у фонтана, в девять вечера мы обретем друг друга, и он даст мне книгу. В кафе, под звуки легкого джаза, на последние деньги он купит мне коктейль. И если ты как бы случайно тут же не появишься, поверь, в этой книге сегодня ночью появятся страницы обо мне, Сашуле и самой безумной любви на Земле. Страницы эти скрепит печать нашего страстного тайного союза... Ха-ха-ха...

- Я появлюсь, - улыбнулась Рита. - Не переживай.

- Хорошо тебе, - неожиданно грустным тихим голосом промолвила Тая. - Все тебя любят. Носятся с тобой. И Вадима бросила... А когда-то и я с ним встречалась. Отомстила за меня - да? А этого тоже бросишь?.. - Ты вроде как завидуешь?

- Чему завидовать? Твоему худосочному «ботану»?

Хуши сказал: «Ученые придумывают сито, в котором можно будет воду носить. А я старый уже, так с ведром и помру»

Лекция заканчивалась. По тому, как шумела аудитория, Саня понял, что самую интересную часть он пропустил. Ответы и вопросы, это максимум еще полчаса. Жалко, – столько всего хотелось узнать.

Павел Игоревич расхаживал взад и вперед, отвечая не в зал, а куда-то в сторону, будто разговаривал с самим собой. Саня заметил свободный стул в самом низу у трибуны. Пробраться к нему оказалось не просто.

–... а на это трудно ответить, – чуть торопливо говорил Павел Игоревич. – Мы всегда анализируем следствия, а не причины. Вся наука построена на этом. Берем данность, делаем выводы. Ускорение свободного падения девять с копеечками, ну, почти десять, – разглядывая потолок, улыбаясь самому себе, говорил он. – А могло бы быть десять тысяч. Я, к слову сказать, не согласен. Почему со мной не советовался тот, кто закладывал основу основ, кто придумывал плотность и вес атома?! Или скорость электрического сигнала... Эволюция! От простого к сложному! А почему?! Ну, есть, конечно, и феномены, как вот Егор Немичев. Это уникам, его надо изучать. Это бунт материи, нонсенс! На примере данного индивида наблюдаем необъяснимое явление, природный парадокс – эволюцию вспять.

По залу пронесся хохот.

– А чего опять я?! – возмутился Глыба.

- Егор, нашему институту вы интересны только как живое воплощение того самого недостающего звена. Дарвин носил бы вас на руках. Я просил, перестаньте жевать. В следующий раз куплю вам бананов и накормлю до выступления, обещаю. Сегодня уж потерпите! - профессор продолжил. - Сбил с мысли. Я отвлекся. К чему это я?.. Вот. Мы пока не знаем, как это происходит. Но это совсем не то, к чему мы привыкли. Это противоречит тому, что мы знаем. Сознание, душа, внутренний мир теперь обретают какой-то иной смысл. Абстракции в прошлом. Теперь попробуем это на ощупь!

По залу прокатилась волна аплодисментов и восторженное «у-у-у-у-у!!! -

Игоревич поднял руку, дожидаясь тишины.

- Можно вопрос? - донеслось из глубины аудитории.

- Прошу.

Саня наконец добрался до заветного стула, уселся и, услышав знакомый голос, улыбнулся: Рита...

- Павел Игоревич, вы демонстрировали способности животных с замененным сознанием. Насколько изменились их повадки? Нет, кое-что мы видели, но как бы это выразить?.. Ведь размер мозга, а значит и потенциал сильно отличаются. Поместите мозг Эдисона в череп курицы, и ничего не изменится. Не то что лампочку придумать, выключателем клацнуть не догадается.

-Угу! – лектор несколько раз кивнул. – И мы так думали, но... – сделал паузу. – Сразу оговорюсь. Это теория. И мы это изучаем. Пример. Мы меняем сознание ваше, скажем, и курицы.

- О-у! Новые хроники Ритика! Наша недотрога станет еще умнее! – воскликнул кто-то, и сразу от трибуны к двери прокатилась волна смеха.

- Кто бы мычал! – бросила Рита в ответ. – В твой неандертальский череп засунь сознание тритона, и от избытка информации твоя мягкая голова раздуется, как воздушный шар.

- Ритик, не обижайся. Среди несушек ты будешь рекордсменкой.

- Как неправы были твои родители. Агрессивных мальчиков нельзя надолго ставить в тупые углы...

На спорящих зашикали сразу несколько голосов:

- Не мешайте слушать! Устроили балаган...

- Я его трогала? Чего он завелся? – оправдывалась Рита. – Это не я ему в детстве гвоздики в лоб вбивала.

Павел Игоревич продолжал:

- Так вот. Было предположение, что это некая форма телепатии. То есть я чувствую, управляю чужим телом, но руковожу из своего. Командный пункт остался прежним. Но... нет. Подопытный кот засыпал и мозг его с ним. Он не проявлял никакой активности. А ведь если теория верна, мозг должен работать – управлять чужим телом.

И что решили? Решили, что сознание – это энергия, обладающая памятью. Энергия, способная анализировать и развиваться. По сути, она самодостаточна. Трудно поверить, но... это наше «я» обойдется, простите за тавтологию, и без нас. Дайте ему тело, и... Когда-нибудь мы научимся вычленять сознание и будем держать заспиртованным в колбочках. – Профессор хихикнул и мечтательно посмотрел вверх. – Пока нет.

Пока только перемещаем из одной головы в другую. Но только представьте, какие перспективы... Как это важно для науки. Что получается? Получается: сознание – субстанция, которая может совершенствоваться бесконечно. Великие умы не уйдут в никуда, они останутся, чтобы служить науке. Будем их консервировать и вскрывать, как банки с компотом! Представляете, если б, скажем, в наше время жил Архимед!..

– Можно спросить, Павел Игоревич? – крикнул кто-то из студентов.

– Извольте.

– Когда будут эксперименты над сознанием человека?

Профессор задумался:

– Интересный вопрос. Для этого нужно разрешение. Запрос сделали, но... Будет один эксперимент... На наш страх и риск. Но, как говорится, победителей не судят.

Да? – улыбнулся он. – Мы хотим поменять сознания двух людей. Ненадолго, нескольких часов хватит, чтоб...

– А когда? А как это будет?

Наступила пауза. Профессор озадаченно принялся чесать затылок:

– Что, не терпится?

– А чего тянуть? Дождемся, что украдут наше открытие!

– И что, кто-то готов? Есть желающие принять участие в эксперименте?

В аудитории стало тихо, а потом студенты зашептались, переглядываясь и неуверенно пожимая плечами.

«Быть одним из первых почетно, – подумал Саня. – Вот только... А что будет с этими обезьянками и мышками завтра? Может, печень откажет, с ума сойдут, лопаться начнут, как мыльные пузыри... Кто знает...

Кто знает?»

И похожие мысли были у всех, в каждом страх боролся с любопытством.

– Ботан, чего сидишь? – тяни руку, – слышалось справа.

– Давай! Давай! – донеслось с другой стороны.

Он вжался в стул, опустил голову.

– Соломин хочет! – крикнул кто-то. – Сашка, вставай! Не стесняйся!

– Смелее, ботан! – и сосед слева ткнул его в бок.

– Мы знакомы? – попробовал возмутиться Саня.

- Не трусь, будешь знаменитый, как Гагарин.
- Извините, но вы, наверное, не должны мне

тыкать.

В затылок Саньке влетел скомканный тетрадный лист.

- Ну, что такое? - возмутился Саня и поднялся со стула, оглядываясь в поисках обидчика.

- Молодец, Санек! Bravo!.. Вот он наш герой!..

Зал зааплодировал.

- Да при чем тут я?.. - не успел договорить, как услышал:

- Александр - ты? - Это был удивленный голос Павла Игоревича.

Саня оглянулся, растерянно развел руками.

- А что! - весело произнес профессор. - По-моему, кандидат достойный! Честно, не ожидал. Кто еще?

Нужен еще один!

«Нет, надо отказаться. Объяснить, что у меня не получится, - борясь с приступом паники, думал Саня. - Ведь для такого надо быть готовым физически и морально. И вообще, ведь может получиться так, что...»

Он готов был крикнуть, что произошло недоразумение, что он передумал, что болен, и надо срочно уезжать. Но произошло нечто такое, что изменило его решение, и он застыл с поднятой рукой и открытым ртом.

- А можно мне?! - раздался знакомый девичий голос, и вверх вспорхнула расслабленная кисть с

тонкими пальчиками. Другой рукой девушка смахнула со лба челку и поднялась. Она улыбалась, но, взглянув на Саню, стала серьезной, и во взгляде ее читалась насмешка, ирония. Вся ее фигура выражала уверенность, превосходство, – это была Рита.

Хуши сказал: «Даже тот, кто быстро бегает, не догонит того, кто медленно убежал»

...Кубинец резко дал по тормозам, крутанул руль вправо, и машина помчалась, еле вписываясь в поворот, срывая задние бамперы с припаркованных авто. Его автомобиль снова набирал скорость. У «фиата», что мчит следом, так не получается. Не успевая сбросить газ, он влетает в крайний микроавтобус. Скрежет железа, звон стекла и целый хор истерящих сигнализаций.

Соблюдайте скоростной режим, – произнес Кубинец, на загорелом скуластом лице которого появилась и пропала улыбка.

Продолжая давить на педаль, он закурил, но не успел выдохнуть дым: на перекрестке справа его авто протаранил джип. Машина пролетела метров пять. Джип, не останавливаясь, впился в мятый бок и, неистово ревя двигателем, потащил машину по дороге.

На секунду Кубинец потерял сознание. Очнувшись, он обнаружил, что его лицо и рука в крови, ногу, кажется, зажало между педалями, и сигарета, проклятая сигарета выпала изо рта. Наклонился и,

превозмогая боль в плече, пошарил рукой под сидением. Нащупал.

Неугомонный джип протащил машину метров десять и прижал к столбу.

За шиворот полетели осколки стекла. Дверь подалась в салон, изогнулась, и в бедро врезалась пластмассовая ручка.

«Где вы только права берете?» – трясая головой, про себя возмутился Кубинец.

Пошевелил ногой. Колкая боль отдалась в пятку. Недолго думая, он поднес сигарету к губам, сделал затяжку, вытянул из-за пояса пистолет и с небольшими интервалами, прицеливаясь, принялся расстреливать лобовое стекло джипа. Похоже, эта мысль пришла в голову не только ему. Автоматная очередь, последовавшая в ответ, полоснула по капоту, прошила крышу, продырявила сиденья. Чудом ни одна пуля не достигла цели. Сверху в дыры скользнули солнечные лучи и ослепили его. Стало тихо, и в этой тишине было слышно, как в салоне джипа щелкает автомат, на нем меняли рожок. Пригнувшись как можно ниже, Кубинец потянулся к бардачку за второй обоймой. Нащупал что-то жесткое, холодное:

«Как же я забыл... Не расходимся. Ребята, подтянулись, взялись за руки...» – чуть приподнявшись, увидел, что в джипе двое. Водитель изогнулся и жметя к сиденью справа. А стреляет тот, что сзади за спинкой прячется.

Кубинец вытащил гранату, выдернул чеку...

Вылезал из машины несколько минут. Спешил. Потянул сухожилие. Мельком взглянул на раскуроченный джип: из салона валил дым, в нос ударил запах паленого мяса и жженой резины.

«Пошарить бы в карманах, порыться, может, какие документы?.. Узнать бы, кто такие? Нет времени. Да и в общем-то без разницы... Время, время, время!!! Вертолет?»

Он посмотрел вверх, поискал глазами – не видно. Но звук все громче. Если «эти» найдут, вряд ли уже повезет. Вспомнил вчерашний день.

«Может, совпадение? Может... Вчера, когда встречал груз, тоже был вертолет. Потом погоня. Еле ушел».

Преодолевая боль и прихрамывая, обошел внедорожник и приблизился к багажнику своего авто. Звякнули ключи. Дверца капота, скрипнув, подалась вверх. Он облегченно выдохнул. Целый. Инструмент целый, это главное.

Мимо проехало несколько автомобилей. Каждый из них Кубинец подозрительно проводил взглядом. Вскоре рядом остановился старенький «Опель». Водитель, пожилой мужчина, через опущенное окно воскликнул:

– Какая страшная авария! Вам нужна помощь?

У меня есть аптечка, я вам помогу.

– Нет-нет, – поторопился отказаться Кубинец. – Мне помогать не нужно. – Затем задумался и спросил: – Но

вы могли бы оказать услугу стране?

Дверь скрипнула, нога ступила на асфальт:

- Кем мы станем, если не будем заботиться о своей родине?

После столкновения, перестрелки и взрыва все как в тумане.

«Что-то здесь не так... Что-то не так», - мелькнула мысль. - Да, ваша правда. Как вы, однако, вовремя. Как кстати. - Кубинец достал виолончель и захлопнул багажник. - К вам будет просьба как к гражданину... Я агент безопасности, - сказал с вызовом. - С орбиты сошел спутник. Мне срочно нужно попасть в конструкторский центр. Подбросите?!

- А это кто? - сердобольный мужчина кивнул в сторону джипа.

- Главный конструктор и ... - подумав, - не помню фамилии, специалист по связям с общественностью. Хороший парень, вдовец, - зачем-то добавил он. - Надо эвакуировать людей, считай, весь район. Спешили и вот... не справились с управлением, врезались друг в друга, представляете?..

- Они, кажется, еще живы?

Кубинец повернулся к джипу и вытянул шею.

-Увы, - произнес расстроено. - Боюсь, центр управления полетами остался без руководителя.

- Вижу, вам трудно его держать. Давайте свой контрабас.

- Не волнуйтесь. Давайте поторопимся. Спутник меняет траекторию, каждые пол... - Он не договорил. Пистолет, появившийся в руках сердобольного мужчины, нацеливался прямо в загорелое скуластое лицо агента безопасности, отбивая всякую охоту к дальнейшему диалогу.

«Вот, что было не так! - осенила поздняя догадка. - Он говорит на английском. Здесь, в России, кажется, говорят на каком-то другом... Точно на другом...»

- Вынужден настоять. Этот груз может сильно повредить вашему здоровью. Отдайте.

Кубинец хныкнул, как капризный ребенок.

- На этом инструменте еще мой дедушка играл. К чему он вам? Знаете, какой уход за ним нужен?.. Дерево, оно ведь трескается. А если попадет влага...

Сердобольный сделал шаг назад, чуть опустил дуло и выстрелил владельцу инструмента в ногу. Джинсы на голени порвались, вокруг разрыва проступило красное пятно. Кубинец обхватил это место руками и упал.

Пуля только поцарапала и обожгла кожу, но стрелку об этом знать пока не обязательно.

- Когда не дают, я забираю, - услышал раненый. - У меня было трое братьев. Со мной они никогда не делились.

- Уважаемый, могли бы пистолет и не доставать. Сказали бы про братьев, я бы и так отдал.

- Ну, хватит болтать, Кастро. Ты знаешь, что мне нужно.